

Страх медленно расползлся от копчика по всему телу.

Он не решался погасить свет. Не решался спуститься с кровати и отодвинуть марлю, чтобы рассмотреть получше.

Чжоу У зарылся в одеяло, натянув его до макушки, — наружу торчала лишь тёмная верхушка головы. словно кокон из одеяла мог дать плюс восемьдесят процентов к защите и здравомыслию.

Постель была мягкой, тёплой, уютной — в мучительном контрасте с его каменной от напряжения спиной. Он тонул в перине, цепляясь за ощущение укрытости, безопасности.

Под одеялом переплетались тяжёлое дыхание и стук сердца — каждый вдох отдавался ритмом бешено колотящегося в горле пульса.

«Синьвэнь Ляньбо» продолжала вещать; безупречно чёткий голос ведущего разносился по безмолвной комнате. За окном шелест дождевых капель, кажется, постепенно стихал.

Он не выдержал. Медленно, по миллиметру отогнул край одеяла от лица, выставил наполовину один глаз — и украдкой глянул.

От этого взгляда кожу на голове будто стянуло.

На белой стене, из-за сползшего уголка марли, показался глаз — и зрачок, словно живой, шевельнулся.

Дыхание застряло в горле.

Сейчас бы вскочить и побежать стучать У Яо в дверь — но у него не хватало смелости даже высунуться из-под одеяла.

Снова нырнув обратно, Чжоу У чувствовал, как тот взгляд преследует его, точно тень. Он твердил себе: это иллюзия. Всего лишь картина.

Комната была погружена в абсолютную тишину — ни единого звука. Чжоу У не мог убедить себя даже доводом «наверное, ветер сдул марлю».

Он снова высунул голову и посмотрел на портрет.

На этот раз — они встретились взглядами.

В этот миг страх достиг критической точки. Чжоу У в панике нырнул обратно, обхватил себя руками, побелевшие костяшки впились в собственные предплечья, губы неудержимо дрожали.

Чжоу У лихорадочно думал: он с детства был отличником-троеборцем, всегда помогал другим, каждый день получал сотню за диктанты, приходя домой, помогал второй маме по хозяйству, ложился вовремя, уважал старших, заботился о младших, берёг цветочки и травки...

За что ему это?

Бормоча всё это про себя, через полчаса дрожащий под одеялом Чжоу У внезапно, без всякого предупреждения, выбрался из-под него. Решение было молниеносным.

Рубить — так с плеча.

Глубокий вдох — и он зашагал к портрету, словно на казнь. Не смея ничего разглядывать, опустив голову, нахмутив брови, с дрожащими ресницами.

Боковым зрением скользнув по краю марли, Чжоу У словно вложил все оставшиеся силы в одно движение — протянул руку и повесил свисающий край белой ткани на место.

Когда всё было сделано, он почувствовал, что из тела ушли последние силы. Если бы не бросок обратно к кровати — он, скорее всего, рухнул бы на пол.

И это имело смысл: стоило марле вновь закрыть портрет, ощущение чужого взгляда мгновенно ослабло.

Постепенно окаменевшее тело Чжоу У наконец расслабилось, а следом отступил и страх.

Как только страх ослаб, истощённые нервы, державшиеся на пределе, тут же сдались.

Чжоу У зарылся в одеяло, свернувшись, словно котёнок в гнёздышке.

Фу-у-у...

Один долгий выдох — и через минуту сонливость поднялась до предела. Он больше не мог сопротивляться, разжал все мышцы, голова скатилась набок и утонула в просторной, мягкой красной постели.

Он уснул.

Ранним утром Чжоу У разбудил стук в дверь.

После вчерашнего кошмара он стал болезненно чувствителен к любому стуку: первой реакцией при пробуждении был испуг. Он вскинулся на локте и в ужасе уставился на дверь.

Снаружи донёлся голос У Яо. Чжоу У сел, но рука, на которой он проспал всю ночь, онемела и ныла, не в силах его удержать, — и он рухнул обратно на кровать.

У Яо постучал ещё раз:

— Открываю, захожу!

Ввалившись, он объявил:

— Хе-хей! Сегодня солнце сияет, день чудесный! Вставай, дел по горло, о наш красивый-распрекрасный ведущий!

Чжоу У от такого елеса аж передёрнуло. Он посмотрел на него с кислым выражением:

— Ты таблетки не те выпил?

— Не я таблетки перепутал, а тот старик-староста! Мало того что разрешил нам снимать вблизи свадебного зала, так сегодня ещё и пустил внутрь!

У Яо болтал, пока Чжоу У одевался.

Солнечный свет, просачивавшийся сквозь дверную щель, дарил забытое ощущение тепла. Чжоу У блаженно потянулся, умылся и вместе с У Яо пошёл в переднюю залу на общий сбор.

Выйдя из спальни, Чжоу У наконец разглядел, что находится за восьмиугольным проёмом.

Через него, по узенькому каменному мостику в ширину одного человека, можно было попасть в рощу чёрного бамбука — изящный, утончённый дворик.

В столовой аккуратными рядами стояли дымящаяся каша, паровые пирожки и лепёшки.

Увидев Чжоу У, до сих пор сидевший староста расплылся в улыбке:

— Слыхал, вы, городские, кашу уважаете. Велел своей бабе наварить полный котёл — кушайте, не торопитесь.

Местный диалект, если вслушаться, а собеседник не тараторит, был в целом понятен.

Чжоу У сел и поблагодарил. Староста пододвинул к нему миску только что налитой каши — от неё поднимался пар, и замёрзший до кончиков пальцев Чжоу У не мог дожидаться, когда сделает первый глоток.

Стоило каше коснуться языка, Чжоу У слегка нахмурился. Привкус — какой-то странный.

Он повернулся к У Яо. Тот уже проглотил целую миску и, жуя, невнятно ответил:

— Да нормально всё. Ты, наверное, только проснулся — вот и привкус во рту.

Объяснение звучало убедительно. Чжоу У не стал заморачиваться и под горячую пшённую кашу съел два мясных пирожка.

Аппетит у него был не богатырский: после двух пирожков уже начало подпирать.

Едва он отставил миску, как Ху Юй протянул ему два варёных яйца:

— Ешь побольше. Нам ещё бегать по деревням, по городам и весям, — сляжешь, если сил не наберёшь.

Проглотив оба яйца, Чжоу У почувствовал, что каша вот-вот хлынет обратно через горло, а живот, кажется, округлился на размер.

К счастью, впереди была съёмка, и можно было сразу расходовать энергию.

За порогом начиналась главная дорога. Вся компания Чжоу У удостоилась «почётного караула» — местные жители провожали их взглядами. Сзади слышался шум, перемежавшийся с диалектной бранью и отборным матом.

Чжоу У расслышал, как кто-то орал, чтобы они убирались. обернулся — мужчина с рулоном свитка в руках, перекошенный от злости, успел выкрикнуть пару ругательств, прежде чем его утащили.

— Их семейка нашкодила — в этом году свадьбы не видать, — двое деревенских, скрестив руки на груди, лениво наблюдали за представлением.

У Яо недоумённо буркнул:

— А нам-то что до этого?

Двое деревенских больше ничего не сказали.

Съёмка прошла на удивление гладко — почти без препятствий. Несколько деревенских даже специально увязались за ними, по пути показывая дорогу и рассказывая о местных обычаях.

Парень чуть моложе У Яо с гордым видом заявил:

— Вы не смотрите, что деревня у нас маленькая, — у нас и большие люди были! Ого-го какие!

— Какие ещё «большие люди»? — не поверил У Яо. — Из такой деревушки — какие уж тут большие.

Парень — смуглый, большеглазый — объяснял сбивчиво. У Яо не проникся.

Увидев скептическую физиономию У Яо, тот обиженно заорал:

— А вот не скажу! Всё равно ты его не знаешь!

Развернулся и сердито зашагал прочь.

У Яо замер на секунду, не сразу сообразив, и лишь когда парень скрылся вдали, спохватился:

— Стоп, логика-то хромает! Раз я его не знаю — чем тут гордиться? Где обещанный «большой человек»?

Дин Чэн листал книгу:

— На юго-западе крупных фигур хватало, но конкретно в этом районе я пока не нашёл никого, кто вошёл бы в историю.

— Впрочем, для маленькой деревни даже чиновник четвёртого ранга — уже «большой человек», — заметил Хэ Хай.

К обеденному перерыву солнце стояло высоко. Чжоу У сидел с миской на пороге переулка и с наслаждением втягивал рисовую лапшу.

Мягкая, упругая, — щёки раздувались, а когда он проглатывал порцию и запивал горячим бульоном, казалось, будто вознёсся к просветлению.

Доев лапшу, все решили немного передохнуть. Чжоу У притащил шезлонг и пристроился в

тихом углу, где никому не мешал.

Купаясь в полуденном солнце, смывавшем ночную хмарь, — весь тёплый, разморённый, — он потянулся на спинке стула, лениво и блаженно.

— Здра... здравст... вуйте... — из-за его спины, из переулка, донёлся тоненький женский голосок.

Чжоу У, прищурившись, обернулся. Из-за угла робко выглядывала девушка в простой белой пуховой куртке.

— Здравствуйте, — отозвался он.

Девушка залилась румянцем и поманила его рукой:

— Можно вас... на секундочку? Мне нужно вам кое-что сказать.

Чжоу У подошёл. Девушка, не говоря ни слова, потянула его за собой. Они пробрались через переулок и остановились перед каким-то домом.

Из дверей внезапно вышли две-три девушки. Не успел Чжоу У опомниться, как они обступили его со всех сторон — в глазах искренняя благодарность, словно они только что спаслись от беды.

— Что? Мне-то за что спасибо? — Чжоу У растерялся.

Девушки ничего не объяснили. Та, что привела его, достала из кармана оберег-талисман, сунула Чжоу У в руки — и они все разбежались.

Чжоу У вертел оберег в пальцах, озадаченный. При ближайшем рассмотрении талисман оказался искусно сделанным, старинным — похоже, из настоящего храма.

В последние дни с ним то и дело случалось что-то жуткое, и оберег в руке, пожалуй, давал хоть какое-то чувство защищённости.

На обратном пути Чжоу У вдруг вспомнил: одну из тех девушек он, кажется, видел раньше.

Точно — в первый день съёмок, когда невесты совершали обход, она была среди них.

Он шёл несколько минут и, подняв голову, окаменел.

Это была не та дорога, по которой он пришёл.

Он посмотрел вперёд, потом назад — и побледнел ещё сильнее: ни спереди, ни сзади ничего знакомого.

Чжоу У ни за что бы не признал, что у него топографический кретинизм. У него есть навигатор. Просто с чувством направления не очень. А в таких ситуациях первым делом нужно достать телефон...

«Нет сигнала» — три огромных иероглифа на экране. Остаётся одно: идти вперёд наугад.

Наступая носком на собственную тень, он шагал дальше. Солнце, ещё недавно такое ласковое, больше не казалось тёплым. Переулок сужался с каждым шагом.

Он остановился и постучал в ближайшую дверь — может, кто-то из деревенских подскажет дорогу. Деревянная дверь была заперта наглухо, без малейших признаков жизни.

Вдруг из глубины переулка дунул ветер, подхватив красную шёлковую ленту над дверью. Невесомый шёлк скользнул по щеке — будто что-то потустороннее погладило кожу. По шее побежали мурашки.

Назад. Беги. Просто беги — рано или поздно выбежишь на большую дорогу.

С этой мыслью Чжоу У развернулся и бросился бежать, не останавливаясь, не оглядываясь.

В тишине длинного переулка появился второй ритм шагов — не как у Чжоу У, не рваный и лихорадочный, а размеренный, неторопливый.

Услышав их, Чжоу У взвился.

Набравшись храбрости, он обернулся — и ничего не увидел.

Страх выжигал кислород. Хриплое дыхание металось эхом по стенам переулка.

Под конец он бежал и кашлял одновременно — пока силы не иссякли. Икры тряслись, но он так и не выбрался из этого бесконечного лабиринта.

Чжоу У выдыхался, шаг замедлялся.

Ещё несколько шагов — развязался шнурок.

Ещё минута — и он больше не мог бежать.

Неровные каменные плиты подловили его в момент слабости — выступающий край булыжника подсёк ногу.

Кроссовка слетела, а вместе с ней — наполовину сползший носок, укатившийся на несколько метров в сторону.

Чжоу У рухнул на колени, ладони впечатались в землю. Ему было не до потерянной кроссовки — он тут же вскочил. И, поднимая голову, услышал скрип.

Чжоу У смотрел, как дверь прямо перед ним медленно распаивается. Одним взглядом он охватил всё, что было внутри.

На балке над притолокой висела картина.

На картине — чудовище: зелёная кожа, торчащие клыки. Чжоу У, забыв про кроссовку, на четвереньках рванулся прочь.

Тут же раздался звук — будто клинок выхвачен из ножен. Белая узкая полоса рассекла воздух и осветила лицо Чжоу У. Ослепительная вспышка — он инстинктивно зажмурился, а когда открыл глаза, картина с чудовищем рассечена надвое с резким «шшарх!».

Нижняя половина плавно покачнулась и невесомо опустилась к его ногам — жуткий контраст с белоснежной, точёной стопой.

Ноги чудовища — Чжоу У уже видел их: те самые чёрные, как смоль, ступни, которые он разглядывал, прячась под кроватью.

Чжоу У сухо закашлялся. Сверху ударил порыв потустороннего ветра. Всё тело стянуло, и он, шатаясь, попятился — пока не упёрся спиной в стену, которой мгновение назад не было.

Стена была жёсткой; неровная кладка впилась в затылок.

Тук, тук, тук...

За спиной — шаги.

Совсем близко. Прямо перед ним.

Чжоу У зажмурился от страха. По макушке мерно обдувал потусторонний ветер, едва шевеля

пряди волос.

Это было дыхание...

Возможно.

Что-то тянуло его за ворот. Чжоу У вцепился в него обеими руками — и тут же потусторонний ветер забрался в штанину.

Он больше не мог держаться. Сполз по стене и рухнул на землю. Пол — ледяной и твёрдый.

Белоснежная стопа на чёрном камне — резкий, кричащий контраст. Пальцы на ноге зудели, словно их обвивали чьи-то подушечки, — и белые пальцы поджались.

Юноша, распластанный на углу улочки, — сжатые губы, хрупкие, уязвимые черты, побелевшие костяшки вцепились в край одежды.

Босую стопу словно сжимало, перебирало что-то невидимое, проникая даже в ложбинки между пальцами.

Хватка была чудовищной — не вырваться.

— Ты... кто ты? — выдавил он сквозь зубы.

Эти слова забрали у него последние силы. Перед глазами потемнело, и он провалился в беспамятство.

<http://bllate.org/book/22494/2373473>